

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОПЛИВНОГО КРИЗИСА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918-1921 гг.

© 2016 Е.В. Воейков

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Статья поступила в редакцию 29.02.2016

В данной статье исследован комплекс мероприятий по преодолению топливного кризиса в Самарской губернии в 1918-1921 гг. Показаны основные трудности, мешающие успешному ходу заготовки древесного топлива: недостаток продовольствия, инструментов, сложности взаимодействия многочисленных лесозаготовительных организаций.

Ключевые слова: топливный кризис, заготовки дров, губернский лесной комитет.

В последние десятилетия в отечественной историографии наблюдается всплеск интереса к изучению истории Гражданской войны. При этом на общероссийском и региональном уровне явно доминирует изучение военно-политических аспектов темы и истории Белого движения¹. Одновременно наметилась тенденция к снижению интереса в сфере исследования вопросов экономического развития России и её отдельных регионов. Зарубежных историков в подавляющем большинстве применительно к периоду 1920-х-1930-х гг. привлекают темы красного террора, голода, истории повседневности.

Региональные историки, работающие над вопросами экономической истории Поволжья 1920-х - 1930-х гг., исследуют преимущественно историю крестьянства, лагерей ГУЛАГа и кооперации². Значительное внимание уделяется также предвоенной индустриализации³. При этом обращает на себя внимание малочисленность изданных в последние годы научных работ, рассматривающих различные аспекты истории промышленности Среднего Поволжья в годы Гражданской войны⁴. Между тем важность исследования периодов кризисных состояний экономики России и её отдельных регионов в исторической перспективе представляет несомненный научный интерес в условиях наметившейся модернизации российской экономики.

Самарская губерния в 1918 г. стала ареной боевых действий Гражданской войны в Поволжье, что способствовало нарастанию экономического кризиса, в частности дефицита топлива. Важной транспортной артерией губернии была река Волга. Из Астрахани в губернии Поволжья и в соседние регионы поступала в значительном объёме кавказская нефть. Из Вятской, Нижегородской, Казанской губерний весной и осенью сплавлялись дрова в малолесные Самарскую и Саратовскую губернии. В докладе заведующе-

го лесозаготовительным отделом Самарского губернского лесного комитета П.Е. Макшеева приводились сведения, что «в прежние годы при неограниченных почти запасах в Самаре нефти получалось ежегодно дров с верховьев Волги и её притоков около 30 тысяч куб. саж.»⁵. При переводе в современные единицы измерения данное количество соответствует 291,3 тысячи кубометров⁶.

Из-за боевых действий 1918-1919 гг. данные перевозки почти полностью прекратились. Кроме того, к началу 1918 г. перестали функционировать частные и государственные лесозаготовки. На съезде совнархозов Самарской губернии в феврале 1919 г. представитель лесозаготовительного отдела губсовнархоза отметил, что «старые запасы заготовок дровяного топлива... остались брошенными на лесосеках, ... большая часть их безвестно расхищена и сожжена деревней»⁷.

Развёртывание боевых действий Гражданской войны прекратило подвоз нефти и угля по железным дорогам в центральные районы страны, включая Поволжье. Уже 21 февраля 1919 г. председатель Самарского губсовнархоза Г.С. Соколов заявил на заседании горсовета: «Отпущенного Самаре жидкого топлива хватит лишь для отопления четырёх бань в городе и для размолы на мельницах 400 пудов зерна, что обеспечит население хлебом на полтора месяца. Для всей остальной промышленности Самары не остаётся ничего»⁸. На заседании губсовнархоза в феврале 1919 г. было принято постановление о закрытии кинотеатров и прекращении функционирования трамвая. В мае закрылись самарские бани, население по разрешению исполкома разбирало на дрова пустые хлебные амбары⁹. В сложившейся ситуации топливо распределялось в первую очередь на жизненно необходимые нужды. Так, в протоколе заседания президиума самарского губсовнархоза от 23 августа 1919 г. имеется указание: «...предложить лесному комитету снабжать дровяным топливом в первую очередь мукомольную промышленность»¹⁰.

В Самарской губернии основное руководство лесозаготовками осуществлялось губернским

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки».

E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

лесным комитетом (гублескомом), в чьём подчинении находились лесозаготовительные районы и участки. Также были созданы Бугульминский и Мелекесский уездные лесные комитеты¹¹. Во второй половине 1920 г. уездные лесные комитеты были упразднены; вместо них образовались лесозаготовительные районы гублескома. В Самарской губернии шесть лесозаготовительных районов 1919 г. реорганизовались в 1920 г. в десять районов: Самарский, Жигулёвский, Пугачёвский, Бугурусланский, Белоярский, Мелекесский, Волго-Майнский, Бузулукский, Бузулукский Боровой, Бугульминский¹². Отсутствие в приведённом перечне Сызранского лесозаготовительного района не должно вызывать удивление, поскольку Сызранский уезд в рассматриваемый период находился в составе Симбирской губернии.

Помимо Самарского гублескома заготовки дров на территории губернии осуществлялись значительным количеством различных организаций. Крупным заготовителем дров в Самарской губернии стали железнодорожные лесозаготовительные комитеты (желескомы) Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железных дорог, которые за период с 1 мая 1919 г. по 1 мая 1920 г. заготовили 31500 и 11933 куб. саж. дров¹³. Также гублескомом для самостоятельной заготовки древесного топлива только с мая по октябрь 1919 г. были отведены следующие лесные участки: Коммунальному отделу горисполкома – 650 десятин, Трубочному заводу – 120 десятин, больницам – 100 десятин, управлению водного транспорта (рупвод) – 50 десятин, отделу народного образования – 47 десятин, Самарскому университету – 30 десятин, различным коллективам – 1760 десятин¹⁴.

Поскольку дров на складах для снабжения частного сектора не хватало, жители Самары с 1919 г. приступили к самостоятельным заготовкам дров. Например, в сентябре губернская газета сообщала, что население организовало лесозаготовительные артели, самой крупной из которых был коллектив рабочих и служащих Самаро-Златоустовской железной дороги¹⁵. Но заготовленные таким путём дрова не всегда удавалось вовремя доставить в город из-за отсутствия у трудовых коллективов транспортных средств. Корреспондент газеты поздней осенью 1920 г. сообщал: «Несмотря на то, что на дворе уже лютая зима, многие рабочие за неимением дров ещё сидят в холодных нетопленных квартирах. Между тем, в лесах вокруг Самары имеются заготовленные рабочими организациями за лето сотни кубов дров, которые полностью не были вывезены за отсутствием достаточного количества водных транспортных средств»¹⁶.

При перечислении комплекса проблем, обусловивших невыполнение плановых заданий по заготовке дров, на первое место в сохранившихся в архивах докладах специалистов лесозаготовок

традиционно ставились перебои с продуктами и недостаток инструментов. Военные действия, восстания крестьян, бандитизм, задержки зарплаты, недостаток зимней одежды и спецодежды, зимние метели и распутица также фигурировали в числе неблагоприятных факторов, но им никогда не отводилось решающего значения.

В условиях инфляции Гражданской войны денежная оплата труда на лесозаготовках не могла служить достаточным стимулом для успешной работы. Поэтому для рабочих всех отраслей промышленности наряду с зарплатой в денежном выражении были введены натуральные пайки. Ассортимент утвержденных 22 мая 1919 г. Главным лесным комитетом норм продовольственного снабжения представлял собой набор продуктов питания: мука или хлеб, крупа, мясо или рыба, картофель, капуста, горох или фасоль, соль, сахар, чай. При заготовке одной кубической сажени дров рабочему полагалось 460 граммов муки, 818 граммов картофеля, 102,2 грамма мяса или рыбы и столько же капусты. Поволжье относилось к категории регионов, производящих сельхозпродукцию. Поэтому в Самарской и Саратовской губерниях указанные нормы муки должны были уменьшаться на 12%¹⁷.

В уже упоминавшемся докладе гублескома подчёркивалось: «В настоящих условиях при полном обесценивании денежных знаков... только путём премиального вознаграждения за труд предметами первой необходимости можно привлечь рабочих»¹⁸. Под премиальным вознаграждением в данном документе понимались продовольствие или промтовары: ткань, мыло. В условиях экономического кризиса продуктов хронически не хватало. В докладе Самарского гублескома от 19 сентября 1919 г. отмечалось: «Сахара на рабочих до августа месяца не выдавалось вовсе, равно как мяса и рыбы»¹⁹.

В условиях дефицита рабочей силы на лесозаготовках осенью 1919 г. декретом Совнаркома была введена топливная трудовая повинность. Её проведение в Поволжье и в Самарской губернии, в частности, сопровождалось многочисленными трудностями и низкой результативностью труда принудительно мобилизованных на заготовку и вывозку дров крестьян²⁰.

Снабжение инструментами благодаря поступлениям от Главлескома постепенно налаживалось. Так, например, в Самарской губернии в апреле 1919 г. гублескомом из Москвы была получена крупная партия пил, топоров и колунов. По данным гублескома, осенью 1919 г. в его распоряжении уже находилось 1690 пил, 1627 топоров, 938 колунов, 527 дюжин напильников. По нормам того времени на четырёх человек было необходимо иметь одну пилу, два топора, один колун и полдюжины напильников. Следовательно, указанного количества пил должно было хватить на 6,8 тысячи человек, топоров – на 3,3 тысячи, колунов – на 3,7 тысячи человек. Осенью 1919 г.

количество людей на лесозаготовках гублескома достигало пяти тысяч. Таким образом, проблема инструментов на лесозаготовках гублескома в Самарской губернии в конце 1919 г. была в определённой степени решена²¹.

Более сложная ситуация сложилась на участках желескома Самаро-Златоустовской дороги. В докладе от 15 апреля 1920 г. отмечалось: «Вплоть до марта месяца желеском был обеспечен пилами в размере 32% потребности, топорами – 36%, колунами – 24% и подпилками – только 14%»²². После поступления в марте 1920 г. партии инструментов обеспеченность данного заготовителя пилами достигла 73%, топорами – 50%.

Ещё одной серьёзной проблемой лесозаготовок стал высокий уровень издержек взаимодействия (транзакционных) различных властных и хозяйственных структур. Начальник лесозаготовительного отдела Главлескома А.А. Апушкин впоследствии писал: «В силу дезорганизации гублескомов и потому, быть может, в силу фактической их слабости замечается, наоборот усиление в это время влияния на проведение лесозаготовок на местах всевозможного рода уполномоченных, как, например, Совета Обороны, Главтопа, фронтов и т.п. Они вели свои заготовки, имели свои аппараты, боролись с губ- и желескомами, появились на местах двойки, тройки, уполномоченные по вывозке..., которые только вносили дезорганизацию в дело, мешали плановности в работе основных органов... Что же в это время делал Главлеском? Он смотрел, даже не удивлялся, и молча соглашался со всеми этими самочинными действиями с мест»²³.

Тенденция, отмеченная руководящим работником Главлескома, проявилась и в Самарской губернии. На заседании Самарского губисполкома в феврале 1920 г. было принято решение образовать Транспортную чрезвычайную комиссию (Трансчека) для доставки дров в город Самара с правом использования городского и военного транспорта в пределах 40-вёрстной полосы. В комиссию вошли представители военкомата и отделов губсовнархоза: транспортного, коммунального хозяйства, гублескома. Кроме того, для проведения топливного двухнедельника в декабре 1920 г. в Самарской губернии была образована «топливная тройка»²⁴. Помимо временных чрезвычайных комиссий действовали различные уполномоченные.

Низкий профессиональный и культурный уровень многих руководящих работников приводил к многочисленным злоупотреблениям и конфликтам. Председатель комиссии ВСНХ А.В. Иогихесс в докладе, датированном 9 ноября 1920 г., сообщал: «Во время работы комиссии ВСНХ по обследованию топливных органов волжского и Восточного районов ей пришлось столкнуться с деятельностью уполглавтопа на Самаро-Златоустовской железной дороге тов.

Колосова и его агентов... Приводимые ниже данные позволяют характеризовать деятельность уполглавтопа как систему сплошного и не вызываемого необходимостью террора по отношению к лесозаготовительным органам Самарской губернии, постоянного и систематического превышения власти и постоянного же вмешательства в оперативные распоряжения губ- и желескома, что в общей сложности крайне деморализующе влияет на весь служебный аппарат лескомова»²⁵. Работником ВСНХ, в частности, упоминался эпизод: «Венцом этих отношений можно назвать и тот привод, которому подвергся на моих глазах пользующийся всеобщим уважением в городе Самаре председатель гублескома тов. Макшеев, который, получив от тов. Колосова второе требование прибыть к нему и не имея времени тут же выполнить приказание тов. Колосова, был по третьему требованию буквально привезён на извозчике к тов. Колосову агентом последнего, и надо было видеть, как держал себя этот агент, когда тов. Макшеев позволил себе остановиться со мной у подъезда желескома, а не сразу направился к тов. Колосову. Потребовалось моё вмешательство, чтобы прекратить безобразную сцену»²⁶.

На местах в уездах не хватало компетентных и зачастую элементарно грамотных кадров для организации крупномасштабных лесозаготовок. Лесничий Бузулукского лесничества сообщал в апреле 1920 г. в Самарский гублеском, что назначенный инструктор по лесозаготовкам Ладыев «не только бесполезен, но даже вреден, потому что со счётным делом он положительно незнаком; представляет через свою бухгалтерию особые бесполезные требования, часто отвлекает от канцелярии требованиями являться к нему и даже на первых порах угрожал арестовать меня и товарища Сидорова (лесничего Пронь-Тоцкого лесничества)»²⁷.

В общий организационно-административный хаос на работах по дровозаготовкам внесли свой вклад и военкоматы. В докладе П.Е. Макшеева от 7 мая 1919 г. подчёркивалось: «Декреты Совнаркома настойчиво требуют оставления на работах всех лесорубов и лесовозов; военное ведомство почти не считается с требованиями лесных работ и сплошь и рядом снимает рабочих целыми селениями на окопные работы, также и в части войск»²⁸.

Ещё одним тормозящим производственный процесс фактором в 1918-1921 гг. стало значительное количество многочисленных лесозаготовительных организаций. Первоначально в законодательстве предполагалось, что органы Главного лесного комитета будут главными заготовителями лесных материалов. Но усиливающийся топливный кризис вынудил Совнарком и ВСНХ разрешить самостоятельные дровозаготовки железным дорогам, воинским частям, промышленным предприятиям и различным

организациям. Многочисленные лесозаготовители мешали друг другу при заготовке в лесных массивах, переманивали друг у друга лесорубов и возчиков, перегружали работников лесничеств требованиями срочного отведения лесных площадей под вырубку. Лесничий Бузулукского лесничества в докладе в Самарский гублеском от 24 апреля 1920 г. сообщал: «Я 47 лет служу лесному делу... Но никогда, несмотря на тяжёлый старый режим, я не был поставлен в такие неопределённые хаотические условия, в каких оказался с принятием в своё заведование вновь образованного Бузулукского лесничества». В качестве примера приводился срочный отпуск 100 десятин леса для рубки Самарскому губернскому совету народного хозяйства (губсовнархозу) в марте 1919 г.: «Моим товарищам пришлось работать почти по пояс в сыром снегу, к рубке же приступили в мае месяце. Не издевательство ли это?»²⁹.

Проведение топливной трудповинности также сталкивалось с проблемой организации. В докладе желескома Самаро-Златоустовской дороги отмечалось: «На местах наряды представителей желескома на требование рабочих и возчиков встречались с такими же нарядами на рабочую силу и возчиков со стороны других организаций: военных, продовольственных и т.п.»³⁰.

Несмотря на все трудности задачу организации крупномасштабных дровозаготовок в годы топливного кризиса в значительной степени удалось решить. По оценкам губернского топливного комитета, населению Самарской губернии требовалось для отопления и приготовления пищи 150 тысяч куб. саж., для работы промышленности – 80 тысяч куб. саж.³¹ Всего в Самарской губернии, по данным гублескома, в 1918/19, 1919/20, 1920/21 гг. было заготовлено, соответственно, 100 тысяч, 160 тысяч и 150 тысяч куб. саж. дров³². Данное количество соответствовало 971, 1553,6 и 1456,5 тысячи кубометров. Полностью удовлетворить все потребности в топливе на основе дровозаготовок в условиях сильнейшего экономического кризиса было, конечно, невозможно. Но обеспечить, пусть и с перебоями, отопление квартир городского населения и предотвратить полную остановку промышленных предприятий власти в Самарской губернии в 1919-1921 гг. удалось.

Исторические варианты преодоления кризисных состояний российской экономики на протяжении последних столетий требуют дальнейшего более тщательного и комплексного изучения историками. И успешный опыт выживания в экстремальных условиях Гражданской войны за счёт чрезвычайных мер и мобилизации местных ресурсов должен занять достойное место в ряду наиболее важных достижений народа России в экономической сфере наряду с довоенной индустриализацией, «экономическим чудом» периода Великой Отечественной войны и послевоенным восстановлением экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Голдин В.В.* Гражданская война в России и военная эмиграция 20-30-х годов XX века. Архангельск: Поморский университет, 2011. 149 с.; *Голдин В.* Паутина из легенд // *Родина*. 2011. № 2. С.2-11; *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 415 с.; *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооружённых формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск: Издательский дом «Сарма», 2005. 300 с.; *Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI; ГПИБ, 2010. 412 с.
- ² См., например: *Захарченко А.В., Репинецкий А. И.* Использование труда заключённых и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2006. Т.8. №3. С.789-800; *Надькин Т.Д.* Деревня Мордовии в 1932-1933 годах: хлебозаготовки, голод и репрессии // *Российская история*. 2006. №4. С.61-69; *Ягов О.В.* Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2012. №27. С.1154-1156.
- ³ См., например: *Воейков Е.В.* Проблема автотранспортного обеспечения на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009. Т.11. №6-1. С.153-155; *Филатов С.Г.* Управление пищевыми предприятиями Поволжья в 1930-е годы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. №1-1. С.205-208; *Чолахян В.А.* Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX в. - 1930-е гг.) // *Российская история*. 2012. №3. С.20-32; *Шарошкин Н.А., Кузьмина Т.Н.* Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933-1937 гг. (по материалам Поволжья) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2012. №27. С.1122-1127.
- ⁴ См.: *Воейков Е.В.* Торфоразработки Среднего Поволжья в годы Гражданской войны и их роль в преодолении топливного кризиса 1918-1921 годов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009. Том 11. №2. С.105-111; *Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А.* Промышленность Пензенской губернии в 1901-1921 гг. Пенза: ГУМНИЦ ПГУ, 2014. 344 с.; *Шарошкин Н.А., Кузьмина Т.Н.* Спиртовая промышленность Поволжья. 1917-1932 гг. // *Гуманитарные и общественные науки в XXI веке: состояние и перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Под ред. О.В. Ягова. Пенза: «Приволжский дом знаний», 2015. С.77-81; *Ягов О.В.* Властное регулирование кооперативного сектора экономики Поволжья в первой трети XX в. // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2011. №23. С.649-658.
- ⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р. 81. Оп.1. Д.246. Л.1об.
- ⁶ Одна кубическая сажень дров соответствует 9,71 кубометра // *Селибер Б.И.* Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству. Пг.: Издание

- журнала «Лесопромышленность и топливо», 1923. С.228.
- ⁷ Первый съезд представителей районных советов народного хозяйства Самарской губернии 21-27 февраля 1919 г. Самара: Издательство Самарского губернского совета народного хозяйства, 1919. С.13-14, 51.
- ⁸ История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918-1998). М.: «Наука», 2000. С.41-42.
- ⁹ См.: Красная летопись. Материалы к истории Советского строительства в Самарской губернии (октябрь 1917 - апрель 1921 г.). К VIII губернскому съезду Советов 18 июня 1921 г. Самара: Государственное издательство, 1921. Раздел «Деятельность Самарского губисполкома». С.55; Первый съезд представителей районных советов народного хозяйства Самарской губернии. С.39; Самарская губерния в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1958. С.207.
- ¹⁰ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф.1. Оп.1. Д.146. Л.55об.
- ¹¹ ЦГАСО. Ф. Р.235. Оп.1. Д.10. Л.338а.
- ¹² ЦГАСО. Ф. Р.81. Оп.1. Д.412. Л.49-52об.; Ф. Р.235. Оп.1. Д.10. Л.338.
- ¹³ Год работы по снабжению железных дорог топливом. Ч.1. Обзор деятельности железнокомов в 1919-20 операционном году. М.: Государственное издательство, 1920. С.172, 175, 176.
- ¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р.81. Оп.1. Д.246. Л.127.
- ¹⁵ К вопросу о дровяных заготовках и топливном кризисе // Коммуна. 1919. 10 сентября.
- ¹⁶ Жизнь нашего края. Надо обеспечить рабочих топливом // Коммуна. 1920. 10 ноября.
- ¹⁷ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.3429. Оп.1. Д.1200. Л.169.
- ¹⁸ ЦГАСО. Ф. Р.81. Оп.1. Д.239. Л.110.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р.81. Оп.1. Д.239. Л.110.
- ²⁰ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918-1929 гг. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2013. С.112-117; *Воейков Е.В.* Топливная трудовая повинность в Среднем Поволжье в 1918-1921 гг. // Вопросы истории. 2009. №1. С.96-105.
- ²¹ См.: ЦГАСО. Ф. Р.235. Оп.1. Д.10. Л.338 а); Д.39. Л.47об.
- ²² ЦГАСО. Ф. Р.129. Оп.1. Д.30. Л.10об.
- ²³ *Апушкин А.А.* Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома // Топливное дело. 1921. №3-4. С.20.
- ²⁴ Красная летопись. Раздел «Деятельность Самарского губисполкома». С.55-56, 62, 78-79.
- ²⁵ РГАЭ. Ф.3429. Оп.2. Д.1471. Л.231.
- ²⁶ РГАЭ. Ф.3429. Оп.2. Д.1471. Л.234.
- ²⁷ ЦГАСО. Ф. Р.235. Оп.1. Д.15. Л.41.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф. Р.81. Оп.1. Д.246. Л.2.
- ²⁹ ЦГАСО. Ф. Р.235. Оп.1. Д.15. Л.40об.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф. Р.129. Оп.1. Д.30. Л.20.
- ³¹ Первый съезд представителей районных советов народного хозяйства Самарской губернии. С.48.
- ³² ЦГАСО. Ф. Р.235. Оп.1. Д.39. Л.46.

OVERCOMING OF THE FUEL CRISIS IN SAMARA PROVINCE IN 1918-1921

© 2016 E.V. Voeikov

The Penza Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

The author analyzes the complex of measures undertaken for overcoming the fuel crisis in Samara region in 1918–1921. He characterizes the main difficulties preventing the successful harvesting of wood fuel: shortage of provision and tools, difficulties in interaction of multiple timber cutting organizations.
Keywords: fuel crisis, timber harvesting, provincial forest committee.